

—

XII.

В этот день небо было ясным, а воздух — чистым.

На широком поле для маневров флаги развевались на ветру. Императорский полигон Сяочан, расположенный в восточном пригороде столицы, с трех сторон был окружен горами. Со времен прошлой династии его постоянно достраивали и расширяли; и хотя он всё еще уступал по размаху бескрайним охотничьим угодьям, предназначенным для осенней охоты, просторы его были поистине велики.

В обычные дни здесь отдыхала и охотилась знать Великой Лян, а расквартированные неподалеку столичные войска время от времени использовали это место для учений.

Император Цзяньчжао сидел на высоком помосте, преисполненный воодушевления; его обычная мрачность бесследно исчезла.

— Сегодня каждый должен показать всё, на что способен! — провозгласил он. — Тех, кто отличится, ждет щедрая награда и повышение в чине на одну ступень.

Князь Северных земель не пожелал отставать:

— Мои доблестные воины, покажите Великой Лян свою мощь!

— Слушаемся! — громогласно отозвался полигон, и ликующие крики, казалось, достигли небес.

Хотя страсти накалились до предела, главной целью встречи Великой Лян и Северных земель оставалось заключение союза, демонстрация силы и дружеский обмен опытом, а не кровавая сеча. Поэтому программа состязаний была относительно мирной.

Сначала намечались поединки один на один на помосте, затем — традиционные скачки и стрельба из лука, а завершающим этапом должна была стать битва за флаги.

Поединки на помосте включали десять схваток: каждая сторона выставляла по десять человек, которые сходились в очном противостоянии. Чтобы избежать жертв, бойцам предписывалось сражаться голыми руками — в таких условиях на первый план выходили, во-первых, грубая сила, а во-вторых — скорость реакции.

Северяне, как на подбор, были высокими, мощными и жилистыми; в плане силы они имели врожденное преимущество. К тому же, живя в лесах и пустынях и добывая пропитание охотой, они обладали невероятной реакцией. Говорили, что даже когда они пьют воду из ручья, то стоят вполоборота, чтобы не упускать из виду то, что происходит за спиной. Жители Великой Лян уже много лет жили в достатке и мире — где им было тягаться с теми, кто закален суровой природой?

В итоге, после шести схваток...

— О! Прекрасно! Снова победа!

— Теперь у нас пять побед. Еще одна — и исход состязания будет решен окончательно! —

доносились радостные выкрики со стороны свиты князя.

— Великолепно, Айзеци! Я дарую тебе десять рабов! — Князь Северных земель приложился к чаше с вином, сделав огромный глоток.

Лицо императора Цзяньчжао, напротив, потемнело.

Из прошедших шести поединков Лян выиграла лишь один — третий по счету. Тогда боец императорской гвардии, следуя мимолетному совету Гу Сьюаня, воспользовался выдающейся техникой легкости, измотал противника уклонениями и в итоге вырвал победу. Остальные же схватки закончились поражением.

Особенно тяжелым стал четвертый поединок, когда северяне выставили мастера по имени Айзеци. Этот человек идеально сочетал атаку и защиту; несмотря на свои колоссальные размеры, он был невероятно хладнокровен и проницателен. Гвардеец Великой Лян, вышедший против него, попытался повторить тактику своего товарища и измотать великана, но Айзеци в мгновение ока нашел брешь в его обороне. Удар его кулака, подобный раскату грома, сбросил гвардейца с помоста.

В пятом раунде Айзеци должен был уступить место другому. Однако этот человек отличался непомерным тщеславием. Обратившись к императору Цзяньчжао и своему князю, он заявил: «В Северных землях мне трудно найти достойного соперника. Наконец-то я прибыл в Великую Лян, край выдающихся талантов, и страстно желаю еще раз испытать на себе мастерство вашей гвардии. Позвольте мне продолжать схватки до тех пор, пока я не потерплю поражение».

Его слова нарушали правила, но были облечены в столь изящную форму, а атмосфера на трибунах была столь наэлектризована, что князь Бэйцзян согласился первым. Императору Цзяньчжао тоже было неловко отказывать — иначе это выглядело бы так, будто во всей великой империи не найдется никого, кто мог бы одолеть этого наглеца.

Так Айзеци остался на помосте и в пятом поединке. Понимая силу врага, Великая Лян выставила своего лучшего мастера цингуна. Тот долго кружил вокруг великана, но в конце концов Айзеци подловил его на ошибке и выбил за пределы площадки. В шестой схватке история повторилась.

Таким образом, Айзеци одержал три победы подряд, а Великая Лян проиграла уже пять поединков из шести. Даже если они выиграют все оставшиеся четыре раунда, они смогут лишь свести дело к ничьей. Для принимающей стороны такое выступление было позорным — лицо империи было практически потеряно.

Брови главнокомандующего гвардией Гуань Чжои сошлись на переносице. Эти гвардейцы были отобраны им лично. Столько поражений кряду наводили на мысли либо о его некомпетентности в выборе людей, либо о том, что он никчемный учитель. Прищурившись, он подошел к Гу Сьюаню, который нес караул на верхнем ярусе помоста:

— Сьюань, в следующем раунде выйдешь ты. Мы обязаны вернуть себе доброе имя.

Гу Сьюань отвечал за безопасность императора и стоял совсем рядом с ним. Император Цзяньчжао, услышав этот разговор, тут же коротко кивнул.

— Слушаюсь, — холодно отозвался Гу Сьюань.

Тем временем на помосте Айзези, опьяненный успехом, выкрикивал:

— Доблестные воины Великой Лян, выходите же! Дайте мне познать вашу мощь! Неужели после троих смельчаков у вас никого не осталось?

Гвардейцы, ждавшие своей очереди, и зрители-лянцы побледнели от ярости.

— Я выйду, — раздался резкий мужской голос.

Вслед за этим тень, подобная пикирующему соколу, легко и изящно прыгнула с высокого помоста вниз. Увидев, кто это, толпа разразилась восторженными криками:

— Это генерал Гу!

— Генерал Гу точно справится!

Айзези, глядя на Гу Сьюаня и слушая реакцию толпы, понял: этот человек, скорее всего, непрост.

— Твоя одежда выглядит богаче, чем у них. Ты тоже из гвардии? Ты их предводитель? — спросил северянин.

Гу Сьюань поднял взгляд и спокойно произнес:

— Можно сказать и так.

— Ты еще так молод, — усмехнулся Айзези. — Надеюсь, ты и впрямь окажешься сильнее тех, кто был до тебя.

— Не сомневайся, — выражение лица Гу Сьюаня не изменилось. — Я сделаю так, что ты запомнишь меня надолго.

Айзези громко расхохотался:

— Тем лучше! Давай!

Несмотря на свои габариты и внешнюю беспечность, этот человек на деле был крайне осторожен. Он не стал дожидаться противника на месте, как в прошлых схватках. Его тело мгновенно напряглось, и он первым пошел в атаку. Его мощь была поистине пугающей — рука, подобная огромному бревну, нанесла удар такой силы, что воздух пронзил свистящий звук.

В прошлых схватках лишь один гвардеец — тот, что был в шестом раунде — благодаря крепкому телосложению смог выдержать три-четыре таких удара. Остальные двое, полагавшиеся на ловкость, были смяты первым же точным попаданием. Айзези решил сразу подавить Гу Сьюаня авторитетом, заставив его отступить. В бою дух воина силен в первом порыве, слабеет во втором и иссякает в третьем — тот, кто начинает с отступления, неизбежно теряет волю к победе.

Однако, к удивлению многих, Гу Сьюань лишь усмехнулся. Он не стал уворачиваться. Вместо этого он медленно сжал кулак и поднял руку, явно намереваясь принять удар в лоб. По сравнению с обычными людьми Гу Сьюань был высок и статен, но рядом с таким гигантом, как Айзези, разница в комплекции напоминала разницу между взрослым и ребенком.

Увидев это, Айзези снова захохотал:

— Эту твою ручонку мой кулак разнесет в щепки! Лучше поберегись и отойди!

Зрители в ужасе замерли. Се Сюань, сидевший под помостом, так сильно сцепил пальцы, что костяшки побелели.

В следующее мгновение два совершенно разных по размеру кулака столкнулись.

Раздался отчетливый хруст. Огромная фигура отлетела назад, пронеслась через весь помост, проломила деревянное ограждение и рухнула вниз.

Это был Айзеи, еще мгновение назад полный спеси.

— А-а-а!

— Генерал Гу победил!

— Генерал Гу — первый мастер Великой Лян!

Пальцы Се Сюаня наконец расслабились. В душе он ворчал: «Неудивительно, что он то и дело поднимает меня одной рукой и несет всякий вздор. Видимо, силы у него столько, что девать некуда, вот она и рвется наружу». Подумав об этом, он невольно приуныл: «С такой-то силищей... смогу ли я когда-нибудь взять над ним верх? Неужели мне суждено всю жизнь терпеть его издевательства?»

Однако, снова подняв взгляд на помост, Се Сюань залюбовался. Гу Сюань в легких доспехах, с волосами, стянутыми черной лентой, стоял, заложив одну руку за спину. Его лицо было спокойным, а облик — божественно прекрасным. Сердце Се Сюаня предательски затрепетало: он понял, что готов провести в объятиях этого человека всю жизнь. «Так что, — убедил он себя, — это вовсе не издевательства...»

Тем временем Гу Сюань бесстрастно посмотрел на свиту князя Северных земель:

— В Великой Лян мне тоже трудно найти равных. Я слышал, что на Севере каждый — отважный воин. Нам выпал редкий случай встретиться, и я горю желанием испытать мастерство северных героев. Позвольте и мне остаться на помосте до тех пор, пока я не потерплю поражение.

— Ха-ха-ха! — по рядам лянцев прокатился смех. Это было почти дословное повторение просьбы Айзеи.

Лицо князя Северных земель переменилось. Однако они сами начали эту игру — не пристало возмущаться, когда твоим же оружием бьют тебя самого. К тому же, они были просителями. Он смог лишь выдавить из себя бодрый смех:

— Можно, конечно можно! Схватка закончилась слишком быстро, я и сам не прочь посмотреть на таланты этого молодого генерала! — повернувшись к императору, он спросил: — Великий Император, что вы скажете?

Император Цзяньчжао, разумеется, не стал отказывать:

— Сюань молод и дерзок, пусть испытает себя.

Князь Бэйцзян согласно кивнул, но, обернувшись к своим людям, произнес с предельной серьезностью:

— Батур, в этот раз выходишь ты.

— Слушаюсь.

Батур тут же отозвался и одним прыжком уверенно приземлился на помост. Гу Сьюань видел его несколько раз — этот человек был телохранителем князя и почти никогда не отходил от него. Он не был таким пугающим великаном, как остальные, хотя его рост составлял около двух метров — чуть выше Гу Сьюаня. Однако его внутренняя сила была сконцентрирована до предела.

В боевых искусствах высшим мастерством считается умение управлять силой — «собирать» ее во много раз труднее, чем «выпускать». Если человек выглядит разъяренным и кипящим, он, безусловно, опасен. Но если он спокоен и глубок, как стоячая вода, — стоит быть начеку вдвойне.

Впрочем, перед лицом такого противника лицо Гу Сьюаня осталось невозмутимым, словно в этом мире не существовало ничего, способного его задеть.

Батур сосредоточил взгляд на противнике и коротко кивнул:

— Прошу.

Как только слова сорвались с его губ, он стремительно разорвал дистанцию, выходя из зоны поражения. Он не раз спарринговался с Айзеи и знал его сокрушительную мощь — в свое время Батур одолел его лишь благодаря сочетанию цингуна и техники. Но этот юноша вынес великана одним ударом. Теперь пришел черед северян вести изматывающий бой.

Гу Сьюань стоял неподвижно, прислушиваясь к свисту ветра у самых ушей и наблюдая за тем, как фигура Батура стремительно мелькает со всех сторон: то спереди, то сзади, то слева, то справа.

В душе он был несколько удивлен. Этот иноземец, выходец из диких пограничных земель, обладал техникой легкости, которая превосходила мастерство жителей Центральных равнин. Его движения были не только быстрыми, но и создавали некую иллюзию множественности тел, из-за чего было трудно отличить настоящий силуэт от фантома. Тот лучший мастер цингуна из императорской гвардии определенно не шел с ним ни в какое сравнение.

Да и сам Гу Сьюань уступал ему в этой дисциплине. Вероятно, этот человек был наследником какой-то особой боевой школы?

Свист! Тень кулака возникла прямо перед лицом.

Гу Сьюань слегка качнул головой, молниеносно уклоняясь; ветер лишь коснулся его уха. Следом последовал удар ногой. Гу Сьюань ловко прогнулся в пояснице назад, снова уходя от атаки.

Хотя в искусстве цингуна он уступал противнику, его скорость реакции была первоклассной. Он мог увернуться от любого выпада. И пусть эта техника легкости создавала иллюзию множества теней, человек-то на самом деле был один, и атака могла быть только одна — всё прочее лишь видимость.

Прошло время, за которое можно выпить полчашки чая. Батур предпринял еще несколько попыток нападения, но все они оказались безрезультатными. Гу Сьюань же всё это время

только уклонялся.

— Почему генерал Гу только и делает, что убегает? — проворчал кто-то из дворцовых слуг, считая, что зрелище недостаточно захватывающее.

Тут же на него обрушился чей-то ледяной взгляд. Человек сразу понял, что сболтнул лишнего, и мгновенно прикусил язык. Лишь спустя долгое время он осмелился украдкой посмотреть в сторону того взгляда и обнаружил, что там лениво полулежит не кто иной, как Шестой принц.

Слуга подумал: «Наверное, мне показалось. Шестой принц и командующий Гу ведь терпеть друг друга не могут».

На помосте.

— Достаточно, — негромко произнес Гу Сьюань.

В этот миг резкая тень кулака устремилась прямо к его правому виску. Удар был намного сильнее предыдущих — судя по всему, Батур изрядно вымотался, постоянно поддерживая столь высокую скорость движений, и решил закончить дело одним мощным выпадом.

На этот раз Гу Сьюань не стал уклоняться. Как и в прошлом раунде, он просто поднял правую руку. В следующее мгновение, когда кулак почти коснулся его щеки, широкая ладонь генерала намертво сомкнулась на запястье противника. Кулак замер, не в силах продвинуться ни на волос.

Одновременно с этим Гу Сьюань уже заносил левую руку для ответного удара.

Бам!

В тот момент, когда кулак вошел в контакт с грудью Батура, поток воздуха от удара взметнул рукава и хлестнул того по лицу. Можно было увидеть лишь широко распахнутые глаза Батура, полные шока и недоверия.

Затем Гу Сьюань разжал правую руку, и Батур буквально улетел прочь — не к краю помоста, а напрямик на землю.

Гу Сьюань выпрямился и, глядя в сторону северян, бесстрастно произнес:

— Следующий. Выходите!

— А-а-а-а! Генерал Гу!

— Генерал Гу!

— Первый мастер! Первый мастер Великой Лян!

Атмосфера на полигоне вмиг достигла апогея. Люди обожают победы, а особенно такие — пришедшие после напряженного, затяжного ожидания, подобно божественному озарению.

— Гу Сюнь! Генерал Гу!

С трибун на него смущенно и восторженно поглядывали юноши и девушки из знатных семей. Поскольку на состязание прибыла принцесса Севера, император Цзяньчжао щедрым жестом позволил многим принцессам и княжнам Великой Лян присутствовать на трибунах;

чиновникам выше третьего ранга также было дозволено взять с собой детей.

Се Сюань, глядя на это всеобщее ликование, чувствовал, как первоначальная радость сменяется горьковатым привкусом ревности. Он втайне надул губы: «Хм, человек-то уже занят, а всё туда же — взгляды собирает».

Се Хуань сидел прямо рядом с ним. Хотя он не расслышал бормотания брата, по выражению его лица сразу понял: на душе у того беспокойно. Воспользовавшись моментом, он нарочно громко произнес:

— Шестой брат, генерал Гу ведь победил, отчего же у тебя такой недовольный вид?

Этот возглас мгновенно привлек внимание всех присутствующих. Се Сюань поднял голову; его глаза были темными и холодными.

— Четвертому брату, должно быть, показалось, — небрежно бросил он.

Шум привлек даже взгляд Гу Сьюаня с помоста — тот посмотрел на них своим обычным ледяным взором.

Се Хуань, воодушевившись еще больше, продолжил лицемерно поучать:

— Хотя ты и командующий Гу издавна не в ладах, но сейчас он сражается за честь Великой Лян. Тебе не подобает выказывать такое пренебрежение.

Несмотря на то, что после череды интриг, устроенных Се Сюанем, репутация Се Хуаня как «преданного и сыновнего» принца сильно пострадала, эти слова прозвучали весьма резонно. Император Цзяньчжао, сидевший на возвышении, на сей раз не стал прилюдно выгораживать любимчика, а сурово прикрикнул:

— Сюань-эр, как ты можешь быть столь близоруким и не ценить государственные интересы?

— Ваш подданный признает вину, — сухо отозвался Се Сюань. Он прекрасно понимал, что отец с братом просто руют ему яму, поэтому, бросив эту дежурную фразу, перестал обращать на них внимание.

Оставались еще три схватки. Следующие бойцы северян не только уступали Батуру, но даже Айзеи в подметки не годились. Стоило Гу Сьюаню нанести удар, как противник тут же вылетал за пределы помоста. Никто не мог продержаться против него дольше одного хода. Ход поединка мгновенно превратился в одностороннее избиение.

Когда все десять схваток завершились, князь Северных земель посмотрел на императора:

— Не думал я, что Ваше Величество скрывает такого мастера.

Император Цзяньчжао громко расхохотался:

— Великая Лян богата землями и людьми, талантов у нас не счесть.

Князь Бэйцзян, несмотря на внешнюю грубость, был человеком проницательным. Он тут же подхватил со смехом:

— Ха-ха-ха! Ваше Величество! Мастера Великой Лян воистину необычайны. Мои воины признают поражение в этом раунде!

Видя такую прямоту, император даже смутился:

— Будем считать, что ничья — каждая сторона выиграла по пять схваток.

Поединки на помосте закончились. Настало время скачек — и тут наступил звездный час северян. В этот раз они не стали дерзко предлагать поединки на вылет, а солдаты Великой Лян, со своей стороны, тоже не стали настаивать.

В результате десяти заездов, за исключением Гу Сьюаня и пары гвардейцев, досконально знавших повадки лошадей, все остальные проиграли. Со счетом 7:3 победу одержали северяне.

Впрочем, такого исхода все и ожидали — жители Севера рождались в седле. Две победы им принесли даже женщины-воительницы. Все были увлечены зрелищем; даже Гу Сьюань наблюдал с интересом — эти северяне были действительно хороши: суровые нравы, народ-армия.

После скачек начались состязания лучников. Северяне, привыкшие добывать пищу охотой, стреляли великолепно. Однако Великая Лян была богата ресурсами, а стрельба из лука — дело техники, которой в армии обучали ежедневно. Здесь у лянцев было преимущество, и обе стороны долго шли вровень. Гу Сьюань был всего один, и хотя он выиграл свой раунд, в конечном итоге стрельба из лука тоже закончилась ничьей.

Каким будет решающее испытание — битва за флаги?

Таким образом, после первых трех испытаний счет был таков: две ничьи и одно поражение. Исход последнего состязания — битвы за флаги — становился решающим.

В битве за флаги принимало участие больше всего людей: всего сто человек, по пятьдесят с каждой стороны. Победа в этом раунде приравнивалась к двум победам в предыдущих. Это означало, что если Великая Лян победит здесь, она тут же станет общим победителем состязаний. Если же проиграет — и говорить нечего, позор будет неопишувемый.

Правила были просты и напоминали игру по захвату башен: на поле стояло пять отдельных боевых платформ. Победителем объявлялась та сторона, которая к концу состязания сумеет водрузить свои знамена как минимум на три из них. Ключ к успеху в этой битве заключался не в том, кто первым водрузит флаг, а в том, как суметь надежно защитить и удержать его до самого финала.

Гу Сьюань окинул взглядом платформы — каждая была высотой около десяти метров. С точки зрения здравого смысла, пятьдесят человек следовало разделить на пять отрядов по десять человек на каждую платформу. Однако, судя по результатам поединков на помосте, было очевидно: если не считать самого Гу Сьюаня, в одиночном бою воины Великой Лян уступали северянам. При равном распределении сил вероятность проигрыша Великой Лян была крайне высока.

Воины Северных земель торжествующе поглядывали на Гу Сьюаня.

«Это тебе не поединок один на один, здесь придется делиться. Посмотрим, как ты теперь вытянешь всё в одиночку!»

Спустя некоторое время.

Среди пяти судей трое были от Великой Лян. Главный судья, ознакомившись с поданным

списком распределения групп, на мгновение замер и несколько раз недоверчиво посмотрел на Гу Сьюаня:

— Генерал Гу, вы уверены, что хотите распределить людей именно так?

Гу Сьюань кивнул.

Когда все участники заняли позиции на старте, прозвучала команда судьи. Как и ожидалось, северяне разделились поровну: по десять человек рванули к каждой из пяти башен, предпочитая проверенную тактику. Никто не удивился — учитывая их превосходство в личной силе, это был самый надежный способ.

Однако то, как расставил своих людей Гу Сьюань, заставило всех присутствующих буквально разинуть рты от изумления.

— Что это генерал Гу задумал?

— Неужели он хочет в одиночку защищать целую башню?

— Какая самонадеянность! — привычно проворчал Се Сюань. А затем, понизив голос, добавил:

— Впрочем... мне это нравится.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281629>